

РЕЦЕНЗИИ

Davidson Pamela. Viacheslav Ivanov: A Reference Guide.
New York: G.K. Hall, 1995. – xlii, 382 p. (A Reference Guide to Literature).

Дэвидсон П. Вячеслав Иванов в русской и западной критической мысли (1903–1995) // Studia slavica Academiae scientiarum hungaricae. Budapest, 1996. Т. 41. Р. 111–132

В серии историко-литературных библиографий у одного из самых крупных в мире издателей справочно-библиографической литературы увидел свет новый выпуск, посвященный русскому писателю – Вячеславу Иванову. Нельзя исключить, что появиться в этом ряду другим русским именам не суждено. С одной стороны, эра бумажного существования библиографической литературы кончается – и остается ли у самой серии время дожидаться новых русских items? С другой – ивановский путеводитель родился благодаря инициативе и кропотливому многолетнему труду английской исследовательницы П. Дэвидсон, и как знать, когда и кто сумеет создать подобное – в американской форме, о чем ниже, – для другого русского поэта?

Для отечественной библиографии том, подготовленный П. Дэвидсон, – фундаментальное приобретение. По условиям советского времени, персональные библиографии получили только те поэты XX в., которые либо вошли в официально установленный пантеон, либо занимали первейшие места в сознании и сердцах людей, работавших вне официальных библиографических учреждений и отделов или помимо производственного плана (именно им мы обязаны библиографией Марины Цветаевой или Леонида Андреева, последним серьезным достижением в этой области из увидевших свет). Не нашлось места, скажем, в плане хорошей серии “Русские советские писатели: “Поэты” для М. Кузмина, умершего в 1936 г., через пятнадцать лет после Александра Блока, которому отдан целый том серии. Так и издается серия без него, хотя кузминское место в алфавите серия проходила, когда уже можно было печатать если не все, то почти все, что было нужно и можно желать. Темпланы официальной деятельности библиографических организаций, как и энтузиазм библиографов-дилетантов, прошли мимо Вячеслава Иванова – и вот края одной из лакун русской библиографии начинают затягивать руки британского профессора.

Работа П. Дэвидсон вызывает одобрение и полное уважение. Единственный ее существенный недостаток объясняется требованиями аме-

риканской серии; американской традицией вызваны и некоторые удивляющие принципы подачи материала. Недостаток я вижу в том, что это путеводитель только по критике и исследованиям, посвященным поэту и теоретику, тогда как описанию его собственной писательской продукции отведено всего двенадцать страниц (р. xxxi–xlii) книги – против трехсот сорока семи, отданных учету литературы о нем. Дэвидсон получила возможность указать лишь книги Иванова и отдельные публикации важнейших его статей. Нельзя поэтому сказать, что в этой области серьезных пропусков нет, поскольку ивановская библиография такой разрешительной способности серьезного значения сегодня уже не имеет (правды ради, однако, признаем, что в предложенных рамках и этот раздел путеводителя Дэвидсон выполнен хорошо). Самой настоятельной задачей остается, таким образом, ответственное описание публикаций всего корпуса сочинений Вячеслава Иванова.

К странностям оформления библиографического текста книги отнесу исключительно транслитерированную подачу описаний русскоязычных материалов и перевод на английский заглавий работ, написанных не на основных западно-европейских языках. Транслитерацию, конечно, можно объяснить типографскими соображениями. Нельзя исключить, впрочем, и более дальновидный расчет – на позднейшее использование в компьютерных кумуляциях и сетевых предложениях. И если первое способно вызвать только безразличное сожаление, то экономия усилий второго рода уже позволяет вспомнить об этике медведя из “Теремка”. Что же до перевода заглавий, то эта особенность американской культуры – одна из черт ее принципиального сродства с советской демократией. По внешности в подобных решениях видится уравнилельно-просветительская забота о всяком читателе, даже не очень подготовленном для пользования данным продуктом. На более глубоком уровне перед нами открывается инстинктивное недоверие культуры к непонятному. При этом замечательны образы страха: русский и польский, тогда как французский, немецкий или итальянский производящей культуре

предстоят успокоительно-безопасными. В той ситуации, когда основным пользователем инструмента по умолчанию предполагается хоть немного знающий русский язык, законно было бы заключить, что как раз русский в этих рамках будет общим средством для всех потенциальных потребителей и что необходимо именно на русский переводить заглавия с других языков (если не остаться при естественном убеждении, что буде ты обязан, по выбранной роли в культуре, разобратся, то языковой барьер ты должен преодолеть в первую очередь). Французский или немецкий даже не опознаются как чужие, а значит и выглядят безопасными, и традиция вынуждает составителя начинать аннотацию к описанию немецкоязычной статьи с пояснения "In German", оставляя заглавие самой работы и название сборника, в котором она помещена, без перевода – в отличие от славянского случая, где то и то непременно переводится. В сказанном – ни тени упрека П. Дэвидсон или ее прекрасному издателю, это только *nota bene* к анализу культур: представим себе привычного покупателя справочников "G.K. Hall", если вдруг он откроет очередной выпуск – и уткнется в совершенно непривычное (речь идет именно о незнакомом, а не непонятном – транслитерация и перевод славянских заглавий понятным описанием по сути дела не делают; редчайшую нужду далекого от русской литературы гипотетического компаративиста в расчет не берем, да и удовлетворят ее не перевод, а тщательные аннотации и указатели).

Материал справочника подан в хронологической последовательности (внутри года – в алфавите заголовков описания). Временной охват – от первых критических откликов на "Кормчие звезды" под 1903 г. до публикаций 1993 г., девяносто лет ивановской литературы. Включено круглым счетом 1400 описаний. Сквозной нумерации их нет, она возобновляется в пределах каждого года, но я посчитал по годам и получил сумму в 1400 позиций. Это очень много, если принять во внимание, что Дэвидсон и работала в одиночку и, главное, не могла использовать сколько-нибудь подробные работы библиографов-предшественников за их отсутствием. Разумеется, составительница анкетировала участников ивановских конгрессов и просто наиболее заметных исследователей, писавших о Вяч. Иванове, ей помогали коллеги, а наличие, например, нескольких редчайших позиций из провинциальной итальянской периодики тридцатых годов позволяет предположить и неизменно щедрую поддержку Д.В. Иванова, сына поэта и хранителя его римского архива.

Насколько полно отражена П. Дэвидсон ивановская литература? Я утверждаю – очень полно. Вполне учтены как данные каталогов лучших европейских и американских библиотек, так и то, что отложилось в архивах. Тщательно кумулиро-

ваны данные пристатейных библиографий, специальных ретроспективных и продолжающихся библиографических пособий. Разумеется, мерою оценки может быть характер серии, которому должна была подчиняться составительница, выдержавшая высокую марку своего издателя. С другой стороны, работа П. Дэвидсон отвечает сегодняшнему уровню разработанности ивановской библиографии (собственно, вчерашнему, так как сегодняшний обозначается уже именно ею и несравненно вчерашний превосходит). Но есть и иной критерий: простое сопоставление с реальным объемом написанного о Вячеславе Иванове. Я сверил библиографию Дэвидсон, позицию за позицией, с моей домашней картотекой ивановской литературы. Моя картотека приблизительно в четыре раза пространнее списка Дэвидсон. Но на уровне общеобязательной информации, той, которая должна быть предложена всем и каждому, кто приступает к ивановским проблемам, – я не встретил сколько-нибудь важных пробелов. Указывать на пропуск той либо иной статьи, одной-двух на 1000, при том, что всякий раз мог бы завязаться спор о закономерности ее отсутствия, – нецелесообразно. Единственная точка, по которой я мог бы высказать сожаление о принципиально неприемлемом для меня методическом решении, – учет археографической литературы (применительно к Вяч. Иванове она не знает больших работ – но тем ценнее рассеянные там и сям сведения о наличии в архивах ивановских материалов). А то, что у меня зарегистрировано много больше работ, упоминающих Вяч. Иванова, говорит лишь о том, что я вел свои разыскания с другими целями и очень часто по очень конкретным поводам, заставляющим, как известно, прорабатывать материал со специальной тщательностью, что резко снижает количественную продуктивность на единицу времени. Тут слово за критериями отбора (и, в известном смысле, – за условиями работы: Дэвидсон могла бы заметно увеличить число рецензий на ивановские книги, откликов на его выступления и т.п. материалы – но это от нее потребовало бы фронтального просмотра периодики, не укладывающегося в эффективно программируемое время). Учет капиллярного присутствия имени в текстах эпохи важен для оценки скорее эпохи, чем для понимания индивидуальности, скорее для социолога, чем для интерпретатора наследия, обозначаемого этим именем. Так, Дэвидсон, без всяких идеологических предрассудков, привела в своем руководстве важнейшие и развернутые выступления верховодов советского официоза о Вяч. Иванове, – и разумно и неизбежно прошла мимо десятков и сотен упоминаний его имени в массовом советском литературоведении, хотя само по себе может быть крайне нужным исследование этого исторического явления, т.е. постоян-

но самовоспроизводящегося советского массового официоза, в том числе и в его отношении к Вяч. Иванову. Повторяю: я убежден, что в пределах поставленной задачи библиография П. Дэвидсон полна.

В пользовании она удобна, так как снабжена двумя указателями. Первый – авторов – служит ключом ко всему труду: основной список ранжирован в хронологическом порядке, как сказано, так что авторский указатель в свернутом виде дает другой принцип ранжирования. Второй указатель – тематический, 26 страниц (р. 357–382). Он разработан П. Дэвидсон по собственной схеме, отражающей не отвлеченные представления о творчестве писателя, а тот реальный исторический материал, который попал в поле зрения библиографа. В него включены и названия произведений Иванова, и имена тех, кого исследователи или критики по какому-то признаку связывали с Ивановым, и темы и проблемы, занимавшие исследователей, и т.п. Без этого указателя труд Дэвидсон потерял бы значительную часть своей “сообщительности”, как говорил Вяч. Иванов.

В одном пункте работа Дэвидсон вызывает мучительную зависть у отечественного библиографа: каждая запись снабжена подробной аннотацией, объем которой ограничивается только здравым смыслом и потребностью соблюсти единство стиля. Аннотации написаны в свободной форме. В них раскрывается содержание публикации, указываются ее связи с другими материалами, описанными выше или ниже, когда нужно, дается трезвая оценка качества работы или огорчается ее место в развитии того или иного направления ивановских штудий. Справочник, повторю, организован в хронологической последовательности и, если быть точным, то перед нами не только библиография, а и историография восприятия Вячеслава Иванова в России, СССР и в мире. Однако, автор не захотел превратить свою книгу в рекомендательную библиографию. Дэвидсон только в большей или меньшей степени раскрывает содержание описанной публикации, в качестве оценки она может указать на место, занимаемое публикацией в истории разработки этой темы и т.д., но приговора качеству работы Дэвидсон не дает, ни в явной форме, ни в имплицитной (что можно было бы делать, оставляя работу без аннотации либо вообще за пределами указателя).

Проработать и оценить полторы тысячи публикаций – труд колоссальный, и потому не вызывает удивления, что П. Дэвидсон захотела обобщить проделанную работу, предпослав указателю предисловие (р. xv–xxix), в котором попыталась дать связный очерк рецепции ивановского творчества среди современников и в потомстве. В трудах Шестого международного симпозиума,

посвященного творчеству Вячеслава Иванова и культуре его времени (Будапешт, 12–16 июня 1995 г.) помещен доклад П. Дэвидсон, по сути дела, представляющий русскоязычный вариант предисловия. Это первая попытка в своем роде, и я полагаю нелишними несколько слов на ее счет. П. Дэвидсон выделяет четыре периода в истории “ивановографии”: 1903–1924, 1925–1961, 1962–1965 и отрезок, в котором мы сейчас живем, с 1986 по 1993 (в докладе на симпозиуме границей выставлен 1995 г.). С таким делением согласиться нельзя. Дело не в том, что имя Иванова появлялось в печати задолго до 1903 г. (речь идет о фактах, небезразличных для познания долитературного этапа ивановской биографии – например, о сообщении в отчете Московского университета за 1884 г. о присуждении студенту Иванову премии “за особые успехи по древним языкам” или об указанных самим поэтом упоминаниях его еще не опубликованной латинской диссертации в сочинениях по римской истории, появившихся на рубеже веков). И не в том, что основания к выделению этапов случайны и гетерогенны: выход первой книги (1903; впрочем, тут нужно было бы отметить момент “нулевой рецепции” – дебютные публикации стихов и переводов Иванова в конце XIX в., по данным Дэвидсон, остались незамеченными критикой), выезда из СССР (1924), выход из печати посмертной книги стихов “Свет вечерний” (1962), начало “перестройки” (1986). Мне кажется, что само по себе такое членение не находит оснований в реальном наполнении времени, да и характер рецепции английским историком не схвачен. Указанные границы отрезков малозначимы. С отъездом Иванова из СССР по сути дела не изменилась его репутация в глазах советской критики, и не столько потому, что отношение к нему как к представителю буржуазной культуры установилось в протосоветской марксистской критике еще до октябрьской катастрофы, а более потому, что Иванова новые литературные образования, от пролеткульта до футуристов и их преемников однозначно относили к преждепрошедшему литературному времени.

Граница периода пролегает там, где Иванов перестает быть активным участником видимого движения литературы, ощущаемого как “литературная современность”, несмотря на гласный успех “Зимних сонетов” и “Переписки из двух углов” и позже негласный успех “Римских сонетов” – и в этом смысле невелика разница между советским Баку и фашистским Римом: и там, и там живущего Иванова нет для русской литературы – как в совдепии, так и в рассеянии. Мало того, что Иванов не печатается и оставляет стихи для посмертной книги, история лишила его положения “маститого литературного старца” (каким был, скажем, Поль Валери во Франции 20–30-х годов). Советский литературный официоз и авангард не

только лишили русскую литературу такой поколенческой реализации, но и не позволили утвердиться на литературной сцене тем писателям, которые должны были бы стать средой его позднего культа (из реально существовавших поклонников Иванова, затертых временем, назову, например, А. Скалдина или Д. Усова, О. Мочалову или В. Меркурьеву, а ведь должны были бы явиться и другие, кто так и не пришел...). Верхняя хронологическая граница этого первого периода размыта, она проходит по рубежу десятых и двадцатых годов. И не просто время отворачивается от Иванова, но и поэт отворачивается от времени и пишет "Палинодию", и творит "покаянья плод". Следующий этап – время полного забвения в русской литературе о Вяч. Иванове, с начала 20-х годов и до конца 60-х. Дэвидсон называет длинный ряд лучших русских писателей, говоривших печатно о нем в эти годы: от о. Г. Флоровского до С. Франка. Но это только ближайшие друзья и спутники Иванова по литературе, – и Ф. Зелинский и Э. Метнер, М. Гофман и Б. Погорелова (Рунт, известка В. Брюсова, как-то даже секретарствовавшая в "Весах") и т.д., жанр их выступлений – мемуары по преимуществу. В лучшем случае в этом списке фигурируют литературные юнцы 1910 г. – Д. Мирский, Г. Иванов, Г. Адамович... Для новых поколений русских литераторов Иванова как будто и не существует, ни живого, ни в библиотеках. Ни одной молодой подписи. Правда, имя Иванова получает известность в Европе, его читают и высоко оценивают Г. Марсель и Э.Р. Курциус, в кружках католической элиты – но ведь и это современники и младшие современники Иванова, из среды, типологически близкой русскому младшему символизму и религиозному "возрождению". И не здесь источник будущего роста числа американско-европейских публикаций, посвящен-

ных Иванову, западная культура отводит христианской элите положение терпимых маргиналов, в рамках норм "политической корректности". Для репутации Иванова ничего не меняет появление "Света вечернего", практически прошедшего незамеченным и в эмигрантской прессе, и в славистской литературе.

Только в конце 60-х гг. ситуация меняется. С одной стороны, в западной славистике происходит количественный взрыв, приведший к тому, что и об Иванове стали писать много (и часто хорошо, даже очень хорошо – но причина количественного роста не в специальном интересе к Иванову: параллельно взмывают вверх, если не круче, кривые публикаций, посвященных, положим, Блоку или Хармсу, Есенину или Евтушенко). С другой стороны, в СССР к концу 60-х гг. складывается круг молодых филологов, ищущих самоидентификации в восстановлении своего преемства отечественной традиции; среди них находятся и почитатели Иванова, его выученики вопреки расстоянию во времени. Уже в начале 80-х гг. советский цензурный гнет с имени Иванова был практически снят, и перестроечный взрыв ивановских публикаций оказался исторической внешностью, за которую нет даже профессиональной добротности, как на Западе. Начало нового этапа ивановских штудий нужно, тем самым, отсчитывать с рубежа 60–70-х гг., с того времени, как определяется новое присутствие поэта и мыслителя в русской и мировой культуре, в новой научно- и культурно-социальной ситуации. Но так разговор далеко отлетает от нашей темы – обсуждения хорошо сделанной и весьма полезной библиографии.

Н.В. Котрелев